

Цикл Олега Кожевникова

МИХАИЛ II

Великий князь

Государь

ОЛЕГ КОЖЕВНИКОВ

ГОСУДАРЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К58

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *Станислава Дудина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Кожевников, Олег Анатольевич

К58 Михаил II: Государь: роман / Олег Кожевников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 384 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-116532-1

После попадания сущностей наших современников в тела великого князя Михаила Александровича и его секретаря Джонсона история, как казалось ребятам, продолжала идти так, как они ее знали. Что бы наши современники ни делали, но колесо истории продолжало катиться по губительной для них траектории. Все это заставило ребят действовать более настойчиво и агрессивно. Если раньше молодые ученые старались очень аккуратно влезать в исторические процессы и как можно меньше воздействовать на людей этого времени, то теперь все изменилось. Они сами стали людьми этого времени и просто делали все, чтобы выжить и обеспечить счастливое будущее не только для себя, но и для других.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116532-1

© Олег Кожевников, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Под перестук колес бронепоезда беседа с его командиром, штабс-капитаном Овчинниковым, приобрела камерный, домашний характер. Как будто не было недавнего боя, дикого напряжения всех сил, как физического, так и морального. Павел Александрович делился с великим князем дальнейшими планами — что тыловая жизнь заканчивается и через два дня бронепоезд отправляется в действующую армию. Осталось только получить боеприпасы и пройти техническое обслуживание. Меня вопрос, когда бронепоезд отправится в действующую армию, очень интересовал. Ведь сначала он должен был прибыть в Могилев, в распоряжение ставки, а лишь затем сам главнокомандующий Николай II решит, какую армию он усилит этой грозной боевой единицей. Для меня ключевыми словами были «ставка» и «город Могилев». Именно туда я направлялся, когда на санитарный поезд № 57, перевозивший меня, спецгруппу и на отдельной платформе грузовой «Форд», попытались напасть финские егеря. Но они даже не предполагали, что в общем-то безоружный санитарный поезд может так огрызаться.

Монотонная речь штабс-капитана позволила углубиться в конспирологические версии этого нападения. А с какой еще точки зрения можно понять все случаи попыток ликвидировать великого князя

Михаила Александровича. Раньше он никому не был нужен, а после того как моя сущность оказалась в его теле, каким-то могущественным силам великий князь стал очень мешать. И мы с моим товарищем, так же как и я, попавшим в чужое тело из будущего, создали целую теорию заговора. И силой, которая хотела убрать великого князя, по нашему мнению, был Генштаб Германии. Деятельность великого князя начала мешать исполнению плана развала Российской империи. Но я тоже не лыком шит, огрызаться могу. А сейчас, когда сформирована спецгруппа и я, можно сказать, вошел в местный бомонд, могу так укусить, что мало не покажется. И последние события это показали.

С точки зрения стороннего наблюдателя, все успехи великого князя на фоне побед, достигнутых, допустим, Брусиловым в 1916 году, это, конечно, ерунда. Ну что такое уничтожение всего одного батальона, по сравнению с потерями, которые понесла Австро-Венгрия в ходе наступления Юго-Западного фронта. Так, локальный успех всего лишь одного полка в ходе Брусиловского прорыва. Все это так, если не учитывать, что это был 27-й Прусский батальон егерей, сформированный в Кенигсберге из финских добровольцев, мечтающих о независимости Финляндии. Это был не простой батальон, а хорошо подготовленное подразделение для ведения боев в столице Российской империи. Все бойцы могли объясняться на русском языке, были мотивированы драться с имперскими силами до конца. Их невозможно было выявить среди множества воинских подразделений, скопившихся в Петрограде и в окрестностях российской столицы. Просочившись через дырявую шведско-российскую границу,

эти хорошо подготовленные немцами бойцы скапливались в окрестностях Петрограда и ждали приказа начинать действовать по захвату стратегических объектов. Именно этот батальон был той силой, которая в октябре 1917 года захватила все самые важные объекты российской столицы.

А в истории осталось, что тот же Зимний дворец, телеграф и многие другие объекты (включая мосты) взяли штурмом революционные солдаты, рабочие и матросы под руководством большевиков. Нет, массовка под руководством товарища Троцкого, несомненно, была, и в мелких стычках побили много городских и прочего чиновничьего люда. Но все это была мишура, скрывающая четкие действия небольшого, но дисциплинированного подразделения, подготовленного лучшими специалистами Германии. Чтобы еще больше скрыть действия специально подготовленного подразделения, немцы направили в Петроград и группу профессиональных революционеров. Говорливых и весьма энергичных. Им и принадлежит заслуга создания мифа, что это именно революционные массы под руководством партии большевиков смели буржуазные структуры власти. Вот такую конспирологическую концепцию причин победы Октябрьской революции в России как-то по пьяни рассказал мне приятель еще в той, моей бывшей реальности. Естественно, тогда мне было это смешно, хотя мой собутыльник и закончил исторический факультет МГУ. Как доказательство своей теории заговора германского генштаба по разрушению управляемости в Российской империи он приводил примеры, как общеизвестные, так и найденные им в исторических архивах. То, что Германия в опломбированном пассажирском вагоне позволила профессиональным рево-

люционерам пересечь ее территорию, это все знают. Но вот о подготовленном в Восточной Пруссии батальоне финских добровольцев... об этом никто ничего не знал. А, по словам Жеки, этот Прусский Королевский батальон егерей № 27 состоял из ненавидящих Россию финнов, готовых сделать все для ослабления империи, которая угнетала их бедную Финляндию. Немцы их обучили, спланировали операцию, вот так и произошел октябрьский переворот 1917 года.

В моей родной реальности я о такой глубокой старине даже и не думал. Ну, была революция 1917 года, да и черт с ней. А что победили в ней большевики, так, может, это и хорошо — мобилизовали страну, и она все-таки в 1945 году надрала задницу Германии. Вот только плохо, что в двадцать первом веке сама оказалась в заднице. Но теперь если у нас с Кацем хоть что-нибудь получится, то черная полоса в истории России, может быть, и не случится. Взбодрив себя таким посылом, я в очередной раз начал вспоминать свое время и Каца, который в угоду своим научным амбициям отправил меня и себя самого в это время. Это уже сейчас я вжился в тело великого князя Михаила Александровича, а вначале была просто беда. Ляпы и несуразицы следовали один за другим. Явно я не вписывался своим поведением и языком в образ великого князя. Не спалился только по одной причине — великий князь за день до захвата моей сущностью его тела прибыл в Петроград с фронта. И не просто с фронта, где по всей логике своего происхождения он должен был бы сидеть глубоко в тылу, заседаю в каком-нибудь штабе, а можно сказать с передовой. Конечно, не из окопов, а из штаба 2-го кавалерийского корпуса, которым командовал в ходе знаменитого Брусиловского прорыва. А до этого он

с 1914 года командовал одной из самых трудных дивизий Российской армии — «Дикой». И, по мнению моих теперешних знакомых, командуя туземцами, огрубел, потерял княжеский лоск и нахватался разных непонятных слов и выражений. Даже матом стал ругаться, как портовый грузчик. Для верхнего эшелона российского общества Михаил Александрович выглядел настоящим фронтовиком. Вон даже французским парфюмом перестал пользоваться — только тройной одеколон. После бритья от великого князя пахло так же, как от обычного прапорщика. И все это не мое мнение, а слова самого близкого человека — жены великого князя Натальи.

Мои размышления о собственном поведении были прерваны остановкой бронепоезда на очередном семафоре. Гонять бесконечные чаи и вести, в общем-то, бесполезную беседу с командиром бронепоезда не имело смысла. О чем нужно, я уже со штабс-капитаном договорился — что именно на бронепоезде доберусь до Могилева. Что, после того как бронепоезд пройдет техническое обслуживание, к нему опять прицепят спальный вагон, в котором сейчас находилась спецгруппа, и, кроме того, платформу с установленным на ней грузовиком. Словом, теперь бронепоезд представлялся мне чем-то подобным поезду, который вез меня и спецгруппу совсем недавно. Но тогда это был беззащитный санитарный поезд, а теперь великого князя и его команду будет сопровождать в Могилев бронированный монстр. На этом этапе все потуги германцев остановить великого князя будут смешны и бесполезны. Теперь нужно быть осторожней ближайшие два дня в Петрограде и до того момента, пока не доберусь из ставки до своего корпуса. А чтобы быть осмотрительней в столице,

нужно, прежде всего, выспаться, а не поглощать под защитой брони чашку за чашкой безумное количество чая. Здесь, конечно, хорошо и спокойно, но нужно перебраться в спальный вагон в подготовленное денщиком купе. В пассажирском вагоне, конечно, нет броневой защиты, но зато там есть мягкая лежанка и заботливый денщик. А у него в запасе имеется много всяких вкусностей. Я сам видел, как Первухин на станции покупал у бабки пирожки. Прокрутив все эти мысли в голове, я заявил командиру бронепоезда:

— У вас тут хорошо, Павел Александрович, но нужно перебраться в свой вагон. Посмотреть, как там мои люди устроились, да и отдохнуть не мешает и мне и вам. Если произойдет задержка с отправлением бронепоезда в Могилев, то, как и договорились, телефонируйте моему секретарю в Смольный. Дежурный у телефона там будет находиться круглосуточно. Если звонка не последует, то послезавтра в 20-00 оба вагона, которые нужно прицепить к бронепоезду, будут стоять в тупике, где и началась наша миссия по подавлению мятежа. Мои ребята заранее загонят автомобиль на платформу и подготовят пассажирский вагон, так что задержки с отправлением бронепоезда в Могилев не будет.

Получив подтверждения, что все наши договоренности остались в силе, я поспешил, пока бронепоезд стоял в ожидании сигнала семафора, перебраться в пассажирский вагон. Вот в нем я почувствовал себя хозяином. Не нужно было напрягаться, изображая из себя великого князя, и анализировать каждое свое высказывание на соответствие этому времени. Для моих подчиненных я априори являлся великим князем и все мои поступки и речи воспринимались естественными для брата императора. Вот когда я попал

в ауру доброжелательства и восхищения действиями великого князя, то сразу расслабился. А начавшему что-то кудахтать денщику заявил:

— Ничего пить и есть не буду, я уже у штабс-капитана, наверное, целый самовар чая с печеньем употребил. Только спать! Предупреди всех, чтобы не шумели — великий князь отдыхает!

После этого в сопровождении Первухина проследовал в свое купе. Денщик остался в коридоре, охранять сон великого князя. Не знаю, почему, но когда я, раздевшись, улегся на мягкую кушетку, сознание не желало отключаться. И это несмотря на явное переутомление и то, что в последние двое суток мне только урывками удалось поспать, в общей сложности не более пяти часов. В голове продолжали возникать эпизоды по ликвидации на станции Лазаревская мятежа части батальона латышских стрелков. Почему-то расстрел финских егерей и большей части батальона латышских стрелков химическими снарядами мое сознание не анализировало. Считало, что выбора не было, и операция пошла по единственно возможному для успеха пути. Нужно было любым методом глушить обученных немцами егерей. Хоть травить их химией, хоть идти на них силами юнкеров в штыковую атаку. А вот применение химии для уничтожения группы латышских стрелков, засевших в кирхе, может быть, было и напрасным. Наверняка они бы сдались после обстрела кирхи обычными трехдюймовыми снарядами. После применения химии ни одного пленного не было, а провести судебный процесс по мятежникам было бы неплохо. В семнадцатом году это бы остудило революционные настроения многих солдат. Сейчас суд над солдатами, нарушившими присягу, возможен, а к концу года уже нет.

Грызть себя за допущенные промахи я перестал, только когда вспомнил о подслушанном разговоре между юнкерами. Это произошло после построения принявших участие в операции юнкеров, когда я каждому пожал руку и вручил золотой империял. Понятно было, что ребята старались наилучшим образом выполнить приказ не из-за денег, а ради страны. Но по их сияющим физиономиям было видно, что нежданно свалившимся деньгам они очень рады. После построения я пошел в здание станции, в кабинет ее начальника, которого убили мятежники. Там начиналось заседание созданной по моей инициативе судебной «тройки». Дело было новое и необычное для этого времени, и я решил присутствовать на этом первом заседании. И даже не для того, чтобы указывать, как правильно проводить заседание тройки, а наоборот, самому посмотреть, как все это дело организует привлеченный юрист Владимир Венедиктович. Он родился и живет в этом времени — значит, ему и карты в руки. К тому же он специалист по юриспруденции, знает законы этого времени и хорошо разбирается в делопроизводстве. А если я возьмусь за это мутное дело, то так все напутаю, что мама не горюй. Загублю своими руками нужную сейчас быструю методику судебного разбирательства. Среди либералов поднимется вой о кровавом царском режиме, который без суда и следствия расстреливает как мирных граждан, так и солдат, не выполняющих преступных приказов. А вот если протокол оформить правильно, с горой юридических формулировок, то даже либералы запутаются в лабиринте специальных терминов. И все получится в рамках правовых норм. А значит, с точки зрения тех же американцев, с таким режимом можно иметь дело. И больших преград для получения необ-

ходимой помощи не будет. В данный момент я хотел, пусть и жесткими мерами, навести хоть какой-нибудь порядок, но в то же время нужно, чтобы для внешних игроков царский режим выглядел правовым. Сложная задача — в полевых условиях наводить порядок и выглядеть белым и пушистым. Но очень этого хотелось, вот я и пошел на заседание чрезвычайной тройки.

Отказавшись садиться на председательское место, я уселся на стул, стоявший у открытого окна, и стал с интересом наблюдать за ходом заседания этого своеобразного суда. Неожиданно мое внимание привлек гогот за окном. Оконный проем располагался довольно высоко, и под ним остановилась компания юнкеров, весело болтающих друг с другом. Я не стал прогонять этих ребят, а только прислушался к их разговору. Непринужденное общение людей этого времени меня очень интересовало. Только так можно было нахвататься характерных выражений и услышать анекдоты этого времени. Я все еще боялся оказаться чужим в корпусе, которым командовал великий князь, и ловил малейшую возможность узнать, как общаются между собой современные офицеры. А тут находящаяся далеко от начальства компания будущих прапорщиков — грех было не подслушать, о чем и, самое главное, как они говорят. Вот я и превратился в одно большое ухо и все внимание сосредоточил на разговоре юнкеров.

Сначала обращал внимание только на манеру разговора и на сочные обороты речи этих будущих офицеров. А потом меня зацепил смысл их разговора. Это произошло, когда один из юнкеров произнес:

— Ну что, мушкетеры, нужно достойно отметить получение золотых. Предлагаю посетить заведение мадам Бляденс! Я слышал, там новые девочки

появились. За империял они такой бильярд шарами клиента устроят, что на фронте никакая атака германцев не будет страшна. Ха-ха-ха!..

Сквозь это ржание развеселившегося юнкера донеслось:

— Не, Васька, я свой золотой не буду на это дерьмо тратить. Дырочку в монете сделаю и рядом с крестиком носить буду. Если выживу, то своим внукам буду этот золотой червонец показывать и говорить, что это сам помазанник Божий подарил его. А великий князь точно отмечен Богом, и быть ему царем вместо никчемного Николашки.

После этого, не скрою, приятного для меня пассажа, который, правда, не соответствовал моим целям, раздался еще один голос:

— А я тоже, пожалуй, не буду тратить этот империял. Пусть будет моим талисманом и приносит удачу. Вон князь принес же нашей роте удачу, так и пожалованный им золотой спасет жизнь на фронте.

Юнкер, который до этого смеялся, уже более серьезным голосом произнес:

— Великий князь, конечно, удачлив и стратег хороший, но на фронте он будет далеко. Так что, как говорится — на Бога надейся, а сам не плошай.

На эту фразу юнкер с хриплым голосом заявил:

— Ты, Васек, конечно, можешь потратить свой золотой на баб, но я лучше сделаю, как Борис, и буду держать этот империял у сердца. Очень на меня произвело впечатление, как после появления великого князя пошло дело по подавлению мятежа. Если бы не государь, то половину нашей роты выкосили бы у этой кирхи. А появился великий князь, и не успел я выкурить папироску, как дело было сделано. Два пушечных выстрела с бронепоезда — и в кирхе одни

трупы. Мы с ребятами, надев противогазы, пулемет из кирхи вытаскивали, так там ужас что творится. Даже крысы дохлые валяются, не говоря уже о людях. Из пушки химическим снарядом в маленькое окошко попали — явно высшие силы помогли великому князю наказать мятежников. Не... я теперь дар государя тоже буду носить как амулет.

Последующие слова были заглушены свистком паровоза — на станцию прибывал состав со стороны Петрограда. А затем и слушать стало некого — юнкера ушли. Пришлось мне опять сосредоточить все внимание на ходе своеобразного судебного разбирательства. А процесс двигался, можно сказать, семимильными шагами. Уже практически треть дел было рассмотрено. И что для меня было удивительно, главным поборником жестких наказаний был Владимир Венедиктович. Я-то боялся, что юрист начнет заниматься крючкотворством и затягиванием рассмотрения дел, а все получалось не так. Больше всех затягивал рассмотрение дел не он, а поручик Симонов. Некоторые свидетельские показания ему были не ясны, и он периодически вызывал свидетелей — пострадавших от мятежа латышских стрелков.

А вот Владимиру Венедиктовичу все было ясно по докладной нового командира латышских стрелков Яниса Берзиньша и объяснительных самих мятежников. Видно, сильно обиделся юрист, когда его арестовали мятежники. Он обещал тогда засудить негодяев, избивших его, вот теперь и засуживал. Действия Владимира Венедиктовича мне понравились. Про себя я подумал: «Надо брать юриста в нашу команду. Мужик грамотный — вон как ловко подбирает законы, чтобы обосновать самые жесткие действия. Чисто Вышинский. Полезный человек в это непростое